

он, — охотно разнородные множества людей скучиваем в искусственные рубрики: общество, народ, человечество, и они у нас действуют как лица. Мы персонифицируем даже самые исторические явления и процессы и ведем речь о фигурах революций, реакций, падений, капитализмов как о сознательных и активно действующих организмах..., увлеченные этой условностью, мы иногда начинаем верить, что одно явление может стать причиной другого, т. е. создать другое явление»². Отрицая возможность познать истинный смысл и причинную связь исторического процесса, К. Н. Успенский призывал к уходу от широких обобщений и «схем» в мир чистой фактологии. «Наш интерес, — говорил он, — должен переместиться с расследования и угадывания причин совершившегося изменения на изучение того, как (разрядка автора. — З. У.) происходили эти перемены...»³ Иными словами, анализ причинности исторического развития должен быть заменен простым описанием фактов.

Общественная борьба и политическая действительность первого десятилетия XX в. не могла не отразиться в трудах К. Н. Успенского. Не мог он пройти мимо и не высказать своего отношения к марксизму.

В своих лекциях по истории древней Греции, прочитанных в 1910/11 г. на Московских высших женских курсах, К. Н. Успенский довольно подробно останавливается на разборе исторического, или, как принято было тогда говорить, «социального», материализма.

Влияние марксизма на буржуазную науку было уже столь значительным, что К. Н. Успенский не может не признать появление «социального материализма» крупным поворотом в сфере исторической науки и соглашается с тем, что это направление «можно назвать господствующим и в наши дни». Интерес к социальной истории, создание особой науки об обществе — социологии — автор возводит к О. Контю. Он признает, что появление марксизма было обусловлено самой исторической действительностью, которая «выдвинула в общем движении социальной жизни важность экономических отношений и вопросов». Рост капитализма «с его дикой борьбой за богатство» усиливал значение хозяйственных интересов в общественной и частной жизни. Огромные успехи политической экономии и статистики явились прямым ответом на эти новые запросы общественной мысли. В области исторического изучения эта перемена выразилась в том, что при исследовании социальной жизни особую важность приобрел вопрос о хозяйственной организации общества». Однако, признавая тот неоспоримый факт, что с последней четверти XIX в. в умах воцаряется «материалистическое понимание истории», К. Н. Успенский искажает сущность марксизма, обедняет его, утверждая, будто это учение «все движение социальной жизни пытается свести к одному хозяйственному фактору». Не принимая историко-философскую теорию К. Маркса и Ф. Энгельса, К. Н. Успенский, противореча самому себе, утверждает, что это учение, якобы не получив при своем появлении в свет законченного логического развития, мало привлекло к себе внимания, что лишь после смерти К. Маркса к нему пробудился интерес и «исторический материализм стал предметом бесчисленных толкований, применений и популяризацій со стороны так называемых марксистов»⁴.

Весьма характерно, что эти критические высказывания о марксизме, включенные К. Н. Успенским в его лекционный курс, читавшийся в годы

² Там же.

³ Там же, стр. 67.

⁴ К. Н. Успенский. История древней Греции. Курс лекций, читанный на Московских высших женских курсах в 1910/11 г. М., 1910, стр. 31—32 (далее — Лекции по истории древней Греции)